

Раздел I

Предмет и разделы политической и общественной экономики

Урок 1 (§§ 1-9)
Определения А. Смита и Ж.-Б. Сэя
3

Урок 2 (§§ 10-20)
Различие между наукой,
искусством и моралью
10

Урок 3 (§§ 21-30)
Об общественном богатстве.
Тройное следствие редкости.
О факте меновой стоимости
и чистой политической экономии
17

Урок 4 (§§ 31-39)
О факте индустрии и прикладной
политической экономии.
О факте собственности
и общественной экономии
25

Урок 1

Определения А. Смита и Ж.-Б. Сэя

Содержание: 1. Необходимость определения. 2. Физиократия. 3. Двойная задача, поставленная перед политической экономией А. Смитом: а) обеспечить народу обильный доход или средства к существованию; б) дать достаточный доход государству. 4. Первое замечание. Две в равной мере серьезные задачи, но ни та, ни другая не составляют предмета науки в собственном смысле слова. Есть другая точка зрения на политическую экономию. 5. Второе замечание. Две в равной мере важные, но разные по характеру операции: одна связана с интересом, другая — со справедливостью. 6. Политическая экономия по Ж.-Б. Сэю — просто /изложение того, как образуются, распределяются и потребляются богатства. 7. Естественная точка зрения, позволяющая легко опровергнуть социализм, но являющаяся отчасти неточной. В плане производства или распределения богатства человек должен выбирать либо самые полезные, либо самые справедливые комбинации. 8. Эмпирическое деление на разделы. 9. Недостаточно полные поправки Бланки и Гарнье.

1. Начиная курс или трактат по политической экономии, первым делом следует определить самую науку, ее предмет, ее разделы, характер и границы. Я не собираюсь уходить от этой обязанности, но должен предупредить, что она труднее и требует больше времени, чем это представляется. Определения политической экономии нет. Из всех выдвинутых определений ни одно не получило общего окончательного одобрения, свидетельствующего о научно признанной истине. Я приведу наиболее интересные из них, дам их критику и попытаюсь сформулировать свое собственное. Это позволит мне упомянуть несколько имен, некоторые работы и даты, которые следует знать.

2. Первая значительная группа экономистов — это Кенэ и его последователи. У них общая доктрина, они образуют школу. Свою доктрину они назвали *физиократией*, что означает естественное управление обществом. Вот почему сегодня их называют физиократами. Помимо Кенэ, автора «Экономической таблицы» (1758 г.), основные представители физиократов — это Мерсье де ля Ривьер, Дюпон де Немур, авторы двух работ — «Естественный и сущностный порядок политических обществ» (1767 г.) и «Физиократия, или Естественное становление правления, наиболее выгодного для человеческого рода» (1767-1768 гг.), а также аббат Бодо, Ле Трон. Особое место занимает Тюрго. Из самих названий работ видно, что физиократы пытались скорее расширить область данной науки, нежели ограничить ее. Теория естественного управления обществом — это не столько политическая экономия, сколько общественная наука. Термин «физиократия» был бы, следовательно, слишком широким определением.

3. Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) первым попытался — с большим успехом — сгруппировать вопросы политической экономии в отдельную научную область. Однако лишь во Введении к книге IV труда, озаглавленной «О системах политической экономии», он так формулирует определение данной науки: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль науки государственного человека и законодателя, ставит перед собой две различные задачи: первая — обеспечить народу обильный доход или средства к существованию, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; вторая — дать государству или обществу доходы, достаточные для государственных (публичных) услуг. Она ставит перед собой задачу обогатить одновременно и народ, и государя.» [А. Смит. Исследование..., с. 313]. Это определение, данное тем, кого называли отцом политической экономии, не в начале, а в середине труда, когда он должен был в полной мере владеть предметом исследования, заслуживает того, чтобы на нем остановиться. Мне представляется, что оно вызывает два основных замечания.

4. Обеспечить народу обильный, а государству достаточный доход — это, разумеется, серьезная двойная задача; и если политическая экономия позволяет нам решить ее, то она оказывает нам названную услугу. Однако я не вижу здесь предмета для науки в собственном смысле слова. Действительно, характер собственно науки состоит в полном бескорыстии, с которым она стремится найти чистую истину независимо от каких-либо полезных или вредных последствий. Так, геометр, высказывающий положение, что *в равностороннем треугольнике все углы равны*, астроном, утверждающий, что *планеты движутся по эллиптической орбите, одним из центров которой является Солнце*, занимаются наукой в собственном смысле слова. Вполне возможно, что первая из этих истин, как и все другие истины геометрии, дает ценные результаты в плотничьей работе, обработке камней, архитектуре или строительстве домов; вполне возможно, что вторая истина, как и все истины астрономии, весьма полезна в навигации, но ни плотник, ни каменотес, ни архитектор, ни штурман, ни даже те, кто занимается теорией плотничьего дела, обработки камней, архитектуры и навигации, не являются учеными и не занимаются наукой в подлинном значении слова. Вместе с тем обе операции, о которых говорит А. Смит, аналогичны не операциям геометра или астронома, а тем, чем заняты архитектор и штурман. И если, следовательно, политическая экономия была бы тем, о чем говорит А. Смит, если бы она не была чем-то иным, то она являлась бы, разумеется, крайне интересным занятием, но не наукой в собственном смысле слова. Вот почему следует твердо сказать: политическая экономия — это нечто другое, чем то, о чем говорит А. Смит. Прежде чем думать об обеспечении обильного дохода народу, прежде чем заниматься

обеспечением достаточного дохода для государства, экономист ищет и открывает чисто научные истины. Например, он делает это, когда высказывает положение о том, что *стоимость вещей возрастает, когда растет спрос или же сокращается предложение, и что эта стоимость уменьшается в двух противоположных случаях; что процентная ставка понижается в прогрессирующем обществе; что установленный на земельную ренту налог целиком падает на собственника земли, не затрагивая цены на продовольствие*. Во всех этих и многих других случаях экономист занимается чистой наукой. То же делал и сам А. Смит. Его последователи Мальтус и Рикардо, первый в работе «Опыт о законе народонаселения» (1798 г.), второй в «Началах политической экономии и налогового обложения» (1817 г.) пошли еще дальше по этому пути. Определение А. Смита является, таким образом, неполным, поскольку в нем не указан предмет политической экономии, рассматриваемой как наука в собственном смысле слова. Действительно, сказать, что задача политической экономии — обеспечить народу обильный, а государству достаточный доход, — равнозначно тому, что сказать, будто задача геометрии — строить прочные дома, а задача астрономии — обеспечивать безопасное судоходство на морях. Это значит, одним словом, определять науку через ее приложения.

5. Первое замечание об определении А. Смита относится к предмету науки; у меня есть и другое, не менее серьезное, касающееся ее характера.

Обеспечить народу обильный, а государству достаточный доход — это две одинаково важные, одинаково сложные операции, но операции, весьма различные по своему характеру. Первая состоит в том, чтобы поставить сельское хозяйство, промышленность, торговлю в те или иные определенные условия. В зависимости от того, благоприятны эти условия или нет, сельскохозяйственное, промышленное или коммерческое производство будет изобильным или же ограниченным. Так, в прошлом, во времена цехов, ремесленных гильдий, мастеров, регламентации и обложения пошлинами промышленность испытывала трудности и еле сводила концы с концами; сегодня — при противоположных условиях свободы труда и обмена — она растет и процветает. В первом случае было хуже, во втором — лучше, но и там, и тут речь идет лишь об интересе, который либо ограничивается, либо поощряется. Совсем иначе обстоит дело при обеспечении достаточного дохода государству. Здесь действительно имеет место операция, состоящая в изъятии части частных доходов, что необходимо для образования дохода общества. Это делается при хороших или же при плохих условиях. Однако от того, хороши эти условия или плохи, зависит не только доход государства, который будет достаточным либо недостаточным; от этого зависит, кроме того, отношение к индивидам, которое будет справедливым либо несправедливым: справедливым, если каждый вносит свою лепту, несправедли-

вым, если одни приносятся в жертву, а другие получают привилегии. Так в прошлом одни классы освобождались от налогового бремени, которое падало исключительно на другие классы. Сегодня мы считаем это вопиющей несправедливостью. Таким образом, обеспечить народу обильный доход значит делать полезное дело, а дать государству достаточный доход — делать справедливое дело. Польза и справедливость, корысть и бескорыстие — вот два совершенно различных ряда соображений, и можно было бы пожелать, чтобы А. Смит это различие выявил, сказав, например, что предмет политической экономии состоит в том, чтобы указать прежде всего условия *обильного* производства общественного дохода и затем *справедливого* распределения произведенного дохода между индивидами и государством. Определение стало бы лучше, но и тогда осталась бы в стороне действительно научная часть политической экономии.

6. Жан-Батист Сэй, в хронологическом порядке самое известное имя в политической экономии после Адама Смита, сказал об определении своего предшественника: «Было бы лучше сказать, что предмет политической экономии — это выявить средства, с помощью которых богатства образуются, распределяются и потребляются». Действительно, его работа, первое издание которой вышло в 1803 г., а второе было арестовано цензурой периода Консульства и появилось лишь после падения Первой империи, так и озаглавлена «Трактат по политической экономии, или простое изложение того, как образуются, распределяются и потребляются богатства». Экономисты широко одобрили и приняли это определение с вытекающими из него разделами (политэкономии). Было бы соблазнительным принять эти положения как классические. Но я позволю себе не присоединяться к этому мнению, причем как раз по той причине, которая обеспечила его успех.

7. На первый взгляд очевидно, что определение Ж.-Б. Сэя не только отличается от определения А. Смита, но и является в некотором смысле его прямой противоположностью. В то время как по А. Смиту вся политическая экономия является скорее *искусством*, нежели *наукой*, то, согласно Ж.-Б. Сэю, она — наука *естественная*. По его мнению, богатства образуются, распределяются и потребляются если не сами собой, то по меньшей мере независимым как бы от воли людей *способом*, а вся политическая экономия состоит *просто в изложении* этого способа.

Именно этот исключительный оттенок естественной науки, придаваемый всей политической экономии, и соблазнил экономистов в подобном определении. В самом деле, такая точка зрения особенно помогла им в борьбе с социализмом. Ими отвергался *априори* любой план организации труда, любой план организации собственности не потому, что он противоречил экономическому интересу или же социальной спра-

ведливости, а просто потому, что представлял собой искусственную комбинацию взамен комбинаций естественных. Эта натуралистическая точка зрения была, впрочем, заимствована Ж.-Б. Сэем у физиократов и вдохновлялась формулой «*Laisser faire, laisser passer*», выражавшей их доктрину в области промышленного и коммерческого производства. Именно по этой причине Прудон присвоил школе экономистов эпитет *фаталистов*, и, действительно, трудно даже представить себе, как далеко зашли они в этом направлении. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть некоторые статьи в «Словаре политической экономии», такие, как «Конкуренция», «Политическая экономия», «Индустрия» Шарля Коклена или «Мораль» Андре Кошю; в них содержатся самые примечательные пассажи.

К сожалению, данная точка зрения столь же ошибочна, сколь и удобна. Если бы люди были всего лишь животными высшей породы, пчелами, инстинктивно занимающимися производством и придерживающимися своих нравов, то очевидно, что изложение и объяснение общественных явлений вообще и явлений производства, распределения и потребления богатств в частности составляло бы естественную науку, которая, по правде говоря, была бы отраслью естественной истории — естественной истории человека вслед за естественной историей пчелы. Но на деле все обстоит иначе. Человек — существо, наделенное разумом и свободой, способный на инициативу и прогресс. В области производства и распределения богатства, как и в целом в любой области общественной организации, у него есть выбор между хорошим и плохим, и он все больше идет от плохого к хорошему. Именно так он пришел от системы цехов, регламентаций и пошлин к системе свободы промышленности и торговли, к системе «*laisser faire, laisser passer*», пришел от рабства к крепостному праву, от крепостничества к наемному труду. Самые новейшие комбинации выше прежних как раз не потому, что они более естественны (и те и другие искусственны, а последние в еще большей мере, чем первые, ибо они возникли позже), а потому, что они больше соответствуют интересу и справедливости. И лишь после того, как дано доказательство этого соответствия, нужно давать свободу труду и торговле (*laisser faire, laisser passer*). И отвергать социалистические комбинации, если это обоснованно, следует как противоречащие интересу и справедливости.

8. Определение Ж.-Б. Сэя, таким образом, неточно; оно хуже определения А. Смита, являющегося неполным. Добавлю, что вытекающие из него разделы (политэкономии) совершенно эмпиричны. Теория собственности и теория налога, которые составляют в действительности лишь две части единой теории распределения богатства между людьми в обществе, рассматриваемыми сначала по отдельности как индивиды и затем коллективно как государство, и которые обе столь существенно

зависят от моральных принципов, разделяются и отбрасываются, одна (теория собственности) — в теорию производства, другая (теория налога) — в теорию потребления, при этом обе разрабатываются исключительно под экономическим углом зрения. Что же касается теории меновой стоимости, носящей, напротив, столь явный характер исследования естественных явлений, то она входит в теорию распределения. Правда, его последователи весьма свободно обращаются с такой произвольной классификацией и не менее произвольно ставят, одни — теорию меновой стоимости в теорию производства, другие — теорию собственности в рамки теории распределения. Именно так сегодня изучается и преподается политическая экономия. Но не будет ли обособленным сказать, что мы имеем здесь лишь разбитую рамку, от которой остается всего одна видимость, и что право и долг экономиста — это заняться прежде всего и с необходимым старанием философией науки?

9. Вместе с тем недостаток определения Ж.-Б. Сэя был замечен некоторыми из его учеников, однако, не поправившими его.

«От того, что принято считать сегодня подлинной сферой политической экономии, больше всего отошли в Германии и Франции, — говорил Адольф Бланки. — Некоторые экономисты хотели превратить ее в универсальную науку; другие попытались ограничить узкими и тривиальными рамками. Идущая во Франции борьба между этими крайними мнениями состоит в том, чтобы рассматривать политическую экономию как изложение того, что есть, либо же как программу того, что должно быть, т. е. как науку естественную или же как науку моральную. Мы считаем, в ней есть обе черты». Именно под этим предлогом, достаточным, чтобы осудить определение Ж.-Б. Сэя, Бланки его одобряет.

«Политическая экономия, — говорит вслед за Бланки Жозеф Гарнье, — наука одновременно естественная и моральная; с этих двух точек зрения она констатирует то, что есть, и то, что должно быть при естественном ходе вещей и в соответствии с представлением о справедливости...» И, как следствие, Ж. Гарнье предлагает изменить определение Ж.-Б. Сэя, немного дополнив его: «Политическая экономия есть наука о богатстве, т. е. наука, имеющая целью определить, как богатство *производится и как должно производиться* наиболее рациональным (естественным, справедливым) образом, а также обменивается, распределяется, используется в интересах как индивидов, так и общества в целом». Чтобы выйти из привычной колеи своей школы, Ж. Гарнье предпринимает в данном случае серьезное и заслуживающее уважения усилие. Удивительно, однако, что он сразу же не заметил, сколь это переплетение, это предлагаемое им соединение двух определений в одно представляет собой странную и нелепую вещь. В этом — удивительный пример философской слабости французских экономистов, отражающейся на проявлении их многих интеллектуальных качеств, главные из которых —

ясность и точность. Как политическая экономия может быть одновременно наукой естественной и наукой моральной? И какое представление можно составить о подобной науке? С одной стороны, есть наука о морали, чья цель — определить, как богатство *должно быть* самым справедливым образом распределено, с другой, есть естественная наука, чья цель — определить, как богатство самым естественным образом *производится*. К тому же нельзя ли последнюю с пользой для дела заменить искусством — искусством в изобилии производить богатство? В целом мы возвращаемся от определения Ж.-Б. Сэя к определению А. Смита, но при этом подлинная естественная наука все еще от нас ускользает.

Мы постараемся найти ее сами. Мы разделим политическую экономию, если необходимо, на науку естественную, науку о морали и искусство. Но предварительно мы разграничим науку, искусство и мораль.

Урок 2

Различие между наукой, искусством и моралью

Содержание: 10. Искусство советует, предписывает, направляет; наука наблюдает, излагает, объясняет. 11. Различение между наукой и искусством, теорией и практикой. 12. Наука просвещает искусство; искусство извлекает пользу из науки. 13. Данные науки могут просвещать несколько видов искусства; один вид искусства может извлекать пользу из данных нескольких наук. 14, 15. Различение хорошее, но недостаточное. 16. Наука, изучение фактов. 17. Первое различие: *естественные* факты, проистекающие из игры сил природы; *гуманитарные* факты, имеющие источником проявление воли человеком. Естественные и гуманитарные факты, предмет чистой науки (науки в собственном смысле слова и истории). 18. Второе различие: *индустриальные* гуманитарные факты, или факты отношений между людьми и вещами; *моральные* гуманитарные факты, или факты отношений между людьми. 19. Индустриальные факты, предмет прикладной науки или искусства. Моральные факты, предмет науки о морали или морали. 20. Истинное, полезное и доброе — критерии науки, искусства и морали соответственно.

10. Некоторое число лет назад Шарль Коклен, автор довольно хорошего «Трактата о кредите и банках», один из самых активных и уважаемых сотрудников «Словаря политической экономии», в статье «Экономическая политика» отмечал, что политическую экономию еще предстоит определить. В подтверждение этого тезиса он привел определение А. Смита, Ж.-Б. Сэя (данные мною выше), а также Сисмонди, Сторка, Росси, показал имеющиеся между ними различия, отметил, что ни одно из них не получило решающего преимущества. Он даже установил, что их авторы сами не следовали им в своих работах. Далее Ш. Коклен справедливо замечает, что, прежде чем определить политическую экономию, следует поставить вопрос о том, является ли она наукой или искусством, не является ли она одновременно и тем и другим, и что прежде всего необходимо четко отличать искусство от науки. Высказываемые им по этому поводу соображения в высшей мере справедливы и, поскольку мы пока не продвинулись в решении нашей проблемы, нам остается лишь воспроизвести их.

«Искусство, — говорит он, — состоит ... в ряде предписаний и правил, которым надлежит следовать; наука же — в знании определенных наблюдаемых или обнаруженных явлений и отношений... Искусство советует, предписывает, направляет; наука наблюдает, излагает, объясняет. Когда астроном наблюдает и описывает движение звезд, он занимается наукой; но когда, завершив свои наблюдения, он выводит из них правила, применимые в навигации, он занимается искусством... Таким образом, наблюдать и описывать явления — дело науки; давать наставления, предписывать правила — дело искусства».

11. В примечании автор высказывает мнение, еще более уточняющее различие и заслуживающее того, чтобы его воспроизвести.

«Вполне реальное различие, — пишет он, — устанавливаемое нами между наукой и искусством, не имеет ничего общего между различием, которое проводится — обоснованно или нет — между теорией и практикой. Теории есть как в искусстве, так и в науке, и можно утверждать, что только первые в некотором роде противостоят практике. Искусство диктует правила, но правила общие, и было бы разумным предположить, что эти правила, будь они и верными, могут расходиться в некоторых особых случаях с практикой. Но не так обстоит дело с наукой, которая ничего не приказывает, не советует, не предписывает, которая ограничивается наблюдением и объяснением. Так какой может быть смысл в ее противостоянии практике?»

12. Проведя, таким образом, различие между искусством и наукой, Коклен четко показывает их соответствующую роль и значение.

«Мы далеки от того, — говорит он, — чтобы сожалеть или находить странным, что из научных истин люди стараются извлечь правила, приложимые к ведению человеческих дел. Плохо, когда научные истины остаются бесплодными, а единственный способ их использовать — это вывести из них искусство. Между наукой и искусством, как мы уже говорили, имеются тесные родственные связи. Наука дает искусству свое знание, она исправляет его приемы, она освещает и направляет его движение; без помощи со стороны науки искусство может двигаться лишь на ощупь, спотыкаясь на каждом шагу. С одной стороны, именно искусство осваивает истины, которые наука открывает и которые, не будь его, оставались бы бесплодными. Почти всегда оно является главной побудительной силой человеческих усилий. Человек редко исследует ради одного удовольствия больше знать; он хочет, как правило, иметь в своих трудах полезную цель, и только через искусство он достигает этой цели».

13. Тем не менее он настаивает на необходимости сохранять различие между наукой и искусством, в поддержку этого он делает последнее замечание, заслуживающее упоминания.

«Тем более необходимо, — говорит он, — подчеркивать только что проведенное нами различие, поскольку, хотя наука и искусство имеют часто много точек соприкосновения, их сферы далеко не тождественны. Данные одной науки иногда могут быть использованы многими различными видами искусства. Так, геометрия, или наука о соотношениях пространства, освещает или направляет работы землеустроителя, инженера, артиллериста, штурмана, строителя кораблей, архитектора и т. д. Химия приходит на помощь как фармацевту, так и красильщику и большому числу промышленных профессий. Кто мог бы сказать, сколько

различных видов искусства используют общие данные физики? И, наоборот, один вид искусства может извлекать пользу из данных нескольких наук; так, если ограничиться одним примером, медицина, или искусство лечения, обращается одновременно к данным анатомии, физиологии, химии, физики, ботаники и т. д.»

14. Ш. Коклен пытается, наконец, показать, насколько различие науки и искусства было бы плодотворно применить к определению политической экономии и классификации областей экономики; затем он добавляет:

«Попытаемся ли мы ... уже сейчас провести более четкое разграничение между наукой и искусством и дать им различные названия? Нет, нам достаточно четко провести различие: время и более глубокое понимание предмета сделают остальное».

Эта оговорка удивительна. Странно, что автор, выдвинув столь верную идею, добровольно отказывается таким образом от удовольствия и чести следовать ей. Но вот что еще более удивительно: автор пытается в действительности, чтобы он ни говорил, провести разграничение между искусством и наукой, определяя подлинный предмет политической экономии. И это ему удастся столь мало, что, принимая элементы искусства за элементы науки, придерживаясь на факты индустрии взгляда, носящего сильный отпечаток натуралистической и физиократической точки зрения (в чем я упрекал Ж.-Б. Сэя и от чего не могут избавиться его ученики), он не только не рассеивает, но еще больше увеличивает путаницу, на которую сам же и указывает. Так он, без сомнения, поступает, когда задается вопросом: «Является ли предметом экономической науки богатство или же индустрия, источник богатства? « Или же когда пишет: «Почему в качестве предмета исследования политической экономии принимается скорее богатство, нежели индустрия?» Или выясняет, каковы были «последствия этой ошибки». Наконец, когда он отмечает в качестве «окончательного характера экономической науки» то, что это «одна из отраслей естественной истории человека». Невозможно больше сбиться с пути после столь тщательных предосторожностей.

15. В результате можно, видимо, подумать, будто сама идея различия науки и искусства не столь уж подходит для данного обстоятельства. И тем не менее это различие прекрасно приложимо к политической экономии. Достаточно подумать об этом немного, чтобы, вооружившись этой мыслью, остаться убежденным, что — если не придерживаться предвзятых представлений данной школы — есть теория богатства, т. е. меновой стоимости и обмена, являющаяся наукой, и есть теория производства богатства, т. е. сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли, являющаяся искусством. Только, ска-

жем сразу же, если это различие и обоснованно, оно в то же время недостаточно, так как не учитывает распределение богатства.

Чтобы немедленно убедиться в этом, вспомним наблюдение Бланки о том, что политическая экономия может рассматриваться одновременно как *изложение того, что есть*, и как *программа того, что должно быть*. Итак, то, что должно быть, должно быть либо с точки зрения полезности или интереса, либо с точки зрения справедливости. То, что должно быть с точки зрения интереса, — это предмет прикладной науки, или искусства; то, что должно быть с точки зрения справедливости, — это предмет науки о морали, или морали. Очевидно, что Бланки и Гарнье озабочены прежде всего тем, что должно быть с точки зрения справедливости, поскольку они говорят о политической экономии, рассматриваемой как наука о морали, об идее права и справедливости, о том, как богатство должно быть наиболее справедливым образом распределено. Очевидно, напротив, что такая точка зрения ускользает от Коклена и, отмечая необходимость различения искусства и науки, он забывает отметить также различие между искусством и моралью. Ну, хорошо! Что касается нас, не будем пренебрегать ничем; вернемся к вопросу в полном объеме и проведем разграничение рациональным, полным и окончательным образом.

16. Нам необходимо разграничить науку, искусство и мораль. Иными словами, речь идет о том, чтобы обратиться к философии науки вообще с тем, чтобы придти к философии политической и общественной экономии в частности.

Является истиной, давно высказанной в философии Платона, что наука изучает не тела, а факты, чьим театром действия являются тела. Тела уходят, а факты остаются. Факты, их отношения и законы — таков предмет любого научного исследования. Впрочем, науки могут различаться лишь в силу различия их предмета, или изучаемых ими фактов. Таким образом, чтобы различать науки, надо различать факты.

17. Итак, факты, имеющие место в нашем мире, могут рассматриваться как факты двух видов: одни порождаются игрой сил природы, сил слепых и фатальных; другие имеют своим источником проявление воли человека, что является силой пронизательной и свободной. Факты первого рода имеют своим театром действия природу, поэтому мы будем называть их *естественными* фактами. Факты второго рода имеют своим театром действия человечество, поэтому мы будем называть их *гуманитарными*. Наряду с огромным числом слепых и фатальных сил во Вселенной есть сила, которая сознает себя и управляет собою: это воля человека. Возможно, что эта сила не столь хорошо знает себя и не столь хорошо владеет собою, сколь она полагает. Но это можно выяснить только при ее изучении. Однако в данный момент это маловажно: главное —

то, что она знает себя и владеет собою по меньшей мере в определенных пределах, и это образует глубокое различие между последствиями этой силы и последствиями других сил. Ясно, что по отношению к последствиям естественных сил нельзя сделать ничего другого, как признать их, выявить их, объяснить их, а по отношению к последствиям человеческой воли следует, напротив, сначала их признать, выявить, объяснить, а затем управлять ими. Все это очевидно, ибо силы природы не обладают сознанием и, более того, не могут действовать иным образом, а человеческая воля, напротив, обладает сознанием и может действовать по-разному. Последствия сил природы составят, следовательно, предмет исследования, которое можно назвать *чистой естественной наукой*, или *наукой* в собственном смысле слова. Последствия человеческой воли будут сначала предметом исследования, которое можно назвать *чистой наукой о морали* или *историей*, а затем исследованием, которое можно назвать иначе — либо искусством, либо моралью, как мы увидим ниже. Таким образом уже оправдывается различие Ш. Коклена между наукой и искусством. Искусство «советует, предписывает, направляет», поскольку оно имеет своим предметом факты, чей источник — воля человека, а поскольку воля человека является, по меньшей мере до определенного предела, силой проницательной и свободной, то ей следует советовать, предписывать ей то или иное поведение, направлять ее. Наука «наблюдает, излагает, объясняет», так как ее предмет — это факты, порождаемые игрой сил природы, а поскольку силы природы слепы и фатальны, то по отношению к ним нельзя сделать ничего другого, как наблюдать их, излагать и объяснять их последствия.

18. Мы возвращаемся, таким образом, к различию между наукой и искусством, проведенному Кокленом, но не эмпирически, а методологически, принимая во внимание проницательность и свободу человеческой воли. Теперь следует найти различие между искусством и моралью. Тот же самый учет проницательности и свободы человеческой воли или, по меньшей мере, учет одного из следствий этого факта, даст нам в руки принцип — принцип разделения гуманитарных фактов на две категории.

Факт проницательности и свободы человеческой воли разделяет все существа Вселенной на два крупных класса: *людей* и *вещей*. Всякое существо, не знающее себя и не владеющее собой, является вещью. Всякое существо, которое знает себя и владеет собою, является человеком. Человек знает себя, владеет собою, он — человеческая личность. Только человек является личностью; минералы, растения, животные являются вещами.

Цель вещей рациональным образом подчинена цели людей. Так как вещь не знает себя и не владеет собой, она не несет ответственности за движение к своей цели, за осуществление своей судьбы. Будучи также

неспособной на порок или добродетель, она всегда полностью невинна; она может быть уподоблена чистому механизму. С этой точки зрения с животными дело обстоит так же, как с минералами и растениями: их инстинкт, как любая сила природы, является всего лишь слепой и фатальной силой. Человеческая личность, напротив, уже по одному тому, что она знает себя и владеет собой, несет на себе бремя по самостоятельному достижению цели, она ответственна за исполнение своей судьбы, она будет достойна похвалы, если исполнит ее, или осуждения в противном случае. Она, следовательно, обладает полной способностью, полной свободой действий в том, чтобы *подчинить* цель вещей своей собственной цели. Эта способность, эта свобода действий носит особый характер: это — моральная власть, это — право. Таково основание права людей по отношению к вещам.

Однако, если цель всех вещей подчинена цели всех людей, то, напротив, цель какого-либо одного человека не подчинена цели какого-либо другого человека. Если бы на Земле был всего один человек, он был бы хозяином всех вещей. Но дело обстоит не так, и поэтому все те, кто находится на ней, будучи в равной степени людьми, равно ответственны за достижение своей цели, за исполнение своей судьбы. Все эти цели, все эти судьбы должны *координироваться* между собой. Именно в этом источник взаимности права и долга в отношениях между людьми.

19. Исходя из этого, мы видим, что есть основание для проведения глубокого различия в гуманитарных фактах. Надо различать, с одной стороны, факты, проистекающие из воли, из деятельности человека, осуществляющейся по отношению к вещам, иными словами, отношения между людьми и вещами. Надо различать, с другой стороны, факты, проистекающие из воли, из деятельности человека по отношению к воле, к деятельности других людей, — иными словами отношения между людьми. Законы этих двух категорий фактов по сути различны. Задача воли человека, осуществляющейся по отношению к силам природы, цель отношений между людьми и вещами — это подчинение цели вещей цели человека. Задача воли человека, проявляющейся по отношению к воле других людей, задача отношений между людьми — это координация судеб людей между собой.

Итак, закрепляя, как это положено, данное различие с помощью определений, я называю *индустрией* совокупность фактов первой категории и *нравами* совокупность фактов второй категории. Теория индустрии будет называться *прикладной наукой*, или *искусством*; теория нравов — *наукой о морали* или *моралью*.

Следовательно, чтобы факт принадлежал к категории индустрии и чтобы теория этого факта составляла какой-либо вид искусства, необходимо и достаточно, чтобы данный факт, имеющий своим источником проявление человеческой воли, представлял собой отношение между

людьми и вещами по поводу подчинения цели вещей цели людей. Вы можете вернуться ко всем приведенным выше примерам искусств и признаете за всеми ними эту характеристику. Так, архитектура, строительство судов, навигация, о чем говорилось ранее, указывают нам на дерево и камень как элементы для строительства домов, на дерево и железо для постройки судов, на пеньку как материал для изготовления снастей, на способы кройки парусов, их постановки и управления ими. Море будет нести на себе корабли, ветер будет надувать паруса, а небо и звезды будут указывать дорогу штурману.

А чтобы факт принадлежал к категории нравов и чтобы теория этого факта являлась отраслью морали, необходимо и достаточно, чтобы этот факт, также имеющий своим источником проявление человеческой воли, представлял собой отношение людей между собой с целью координации судеб этих людей между собой. Так, например, в области брака и семейной жизни именно мораль будет фиксировать роль и положение мужа и жены, родителей и детей.

20. Таковы, следовательно, наука, искусство и мораль. Их соответствующие критерии — это истина, польза или интерес, добро или справедливость. А теперь зададимся вопросом: имеется ли во всеобъемлющем исследовании общественного богатства и относящихся к этому фактов материал для одного или двух из указанных видов интеллектуального поиска или же для всех трех? Мы узнаем это, анализируя идею богатства в следующем уроке.

Урок 3

Об общественном богатстве. Тройное следствие редкости.
О факте меновой стоимости и чистой
политической экономики

Содержание: 21. *Общественное богатство*, совокупность *редких* вещей, т. е. 1) *полезных*; 2) *количественно ограниченных*. 22. Научное определение редкости. 23, 24, 25. Редкими и всеми редкими вещами являются только вещи: 1) *могущие быть присвоенными*; 2) *имеющие стоимость и могущие быть обмененными*; 3) *производимые или умножаемые индустриально*. 26. Политическая и общественная экономия: теория меновой стоимости, теория индустрии, теория собственности. 27. Факт *меновой стоимости*. Возникает на рынке. 28. «Пшеница стоит 24 франка за гектолитр.» Факт естественный. 29. Факт математический. Уравнение $5 v_b = 600 v_a$. 30. Меновая стоимость, количественно оцениваемая величина; теория меновой стоимости и обмена или общественного богатства, наука *физико-математическая*. Рациональный метод. Алгебраический язык.

21. Я называю *общественным богатством* совокупность материальных и нематериальных (ибо материальность или нематериальность вещей не имеет здесь никакого значения) вещей, являющихся *редкими*, т. е. вещей, которые, с одной стороны, нам *полезны*, а, с другой, имеются в нашем распоряжении лишь в *ограниченном количестве*.

Это определение имеет важное значение; сейчас я уточню эти термины.

Я говорю, что вещи полезны, если только они могут служить какому-либо употреблению, если они отвечают какой-либо потребности и позволяют ее удовлетворить. Таким образом, нам не нужно заниматься здесь тонкостями, с помощью которых термин «полезное» на обыденном языке располагают рядом с приятным между необходимым и излишним. Необходимое, полезное, приятное и излишнее — все это для нас является только более или менее полезным. Нет необходимости учитывать здесь также моральность или аморальность потребности, которой отвечает полезная вещь и удовлетворению которой она служит. То обстоятельство, что вещество нужно врачу для излечения больного или убийце, чтобы отравить свою семью, представляет собой очень важный вопрос с иных точек зрения, но с нашей оно совершенно безразлично. Для нас вещество полезно в обоих случаях и может быть полезнее во втором случае, чем в первом.

Я говорю, что вещи имеются в нашем распоряжении лишь в ограниченном количестве тогда, когда они не существуют в таком количестве, что каждый из нас может иметь их сколько угодно для полного удовлетворения своей потребности. В мире есть некоторое число полезных вещей, которые (если они не отсутствуют полностью) существуют в на-

шем распоряжении в неограниченном количестве. Так, атмосферный воздух, свет и тепло Солнца после его восхода, вода у берегов озер и рек встречаются в таком количестве, что их хватает всем, и каждый даже может взять их столько, сколько хочет. Эти вещи, будучи полезными, обычно не являются редкими и не входят в состав общественного богатства; в исключительных случаях они могут стать таковыми и войти в состав этого богатства.

22. Из сказанного мы видим, каков здесь смысл слов *редкий* и *редкость*. Это научный смысл, как и в словах *скорость* в механике и *теплота* в физике. Для математика и физика скорость не противостоит медленности, а теплота — холоду, как это имеет место в обыденном языке: медленность является для одного из них лишь меньшей скоростью, а холод для другого — лишь меньшей теплотой. В научном языке тело обладает скоростью, как только оно начинает двигаться, и теплотой, как только оно находится при какой-либо температуре. Так и здесь: редкость и изобилие не противостоят друг другу: сколь бы велико ни было количество данной вещи, она является редкой — в политической экономике, — как только она полезна и встречается в ограниченном количестве точно так же, как тело обладает скоростью в механике, как только оно пробегает некоторое расстояние в некоторый промежуток времени. Значит ли это, что редкость представляет собой отношение полезности к количеству или же полезность, содержащуюся в единице количества, как, например, скорость есть отношение пройденного расстояния к промежутку времени, за который оно пройдено, или же расстоянием, пройденным за единицу времени? Пока мы не будем решать этого вопроса и вернемся к нему позже. Однако факт ограничения по количеству полезных вещей, делающий их редкими, имеет три следствия.

23. 1) Полезные, количественно ограниченные вещи могут присваиваться. Бесполезные вещи не присваиваются: никто не думает присвоить себе вещи, которые не могут быть каким-либо образом употреблены. Вещи полезные, но существующие в неограниченном количестве, также не присваиваются. Прежде всего они не могут быть «ужаты количественно» (*coercibles*) или «захвачены» (в юридическом смысле — *saisissables*); даже если бы их захотели изъять из сферы общего пользования, то не смогли бы этого сделать хотя бы по причине их количества. Что же касается того, чтобы отложить небольшую их часть про запас (исключая случай, когда наибольшая часть остается в распоряжении каждого), то ради чего? Чтобы извлечь из этого выгоду? Но кто предъявит на них спрос, коль скоро у каждого всегда есть возможность их иметь? Чтобы самому пользоваться ими? Но ради чего делать запас, если есть уверенность всегда иметь их вволю? Зачем создавать запас атмосферного воздуха (в обычных условиях), поскольку у вас не будет случая кому-либо передать его, а вам самим, как только вам нужно подышать, достаточно будет открыть рот, чтобы

сделать это? И, напротив, вещи полезные, но существующие в ограниченном количестве, могут присваиваться и реально присваиваются. Во-первых, они могут «ужиматься» или «захватываться»: материально возможно для некоторого числа индивидов забрать существующее их количество себе, ничего не оставив, таким образом, в сфере общего пользования. Причем, совершая данную операцию, они получают двойную выгоду. Во-первых, они обеспечивают себе запас этих вещей, создают себе возможность пользоваться ими, применить для удовлетворения собственных потребностей. Во-вторых, они резервируют за собой также возможность, если они хотят или могут непосредственно употребить только часть своих запасов, получить — путем обмена излишка — другие полезные, количественно ограниченные вещи, которые они смогут употребить вместо первых. Но это приводит нас к другому факту. Ограничимся пока следующей констатацией: *присвоение* (и впоследствии *собственность*, представляющая собой лишь законное или соответствующее законодательству присвоение) имеет своим объектом лишь общественное богатство и всё общественное богатство.

24. 2) Полезные, количественно ограниченные вещи обладают свойством *иметь стоимость и могут быть обменены*, как мы только что отмечали. Как только редкие вещи присвоены (причем, присваиваются только они и все они), между всеми этими вещами устанавливается отношение, состоящее в том, что — независимо от свойственной им непосредственной полезности — каждая из них приобретает, как особое свойство, способность быть обмениваемой на любую другую в той или иной определенной пропорции. Если владеешь какой-либо из этих редких вещей, то можешь, уступив её, получить в обмен какую-либо другую редкую вещь, которой не хватает. Если же не владеешь ею, то получить ее можешь только при условии уступить в процессе обмена какую-либо иную редкую вещь, которая у тебя есть. А если ее нет и если нечего дать в обмен, то надо обходиться без нее. Таков факт *меново́й стоимо́сти*, который, как и факт собственности, охватывает только общественное богатство и всё общественное богатство.

25. 3) Полезные, количественно ограниченные вещи *обладают свойством производиться или умножаться индустриальным способом*. Я хочу сказать, что есть интерес их производить, умножать как можно больше их количество посредством регулярных и систематических усилий. В мире есть бесполезные вещи (не говоря уже о тех, что вредны) — такие, как сорная трава, непригодные ни к чему животные; ими нет нужды заниматься, если только не стараться обнаружить в них некие свойства, которые помогли бы перевести их из категории бесполезных в категорию полезных вещей. Есть вещи полезные, но не ограниченные количественно; ими вполне можно заниматься с целью их использования,

но, разумеется, не с целью увеличения их количества. Наконец, есть вещи полезные, ограниченные количественно, редкие вещи; ясно, что только последние могут быть предметом изучения и операций, имеющих целью сделать их количество менее ограниченным; ясно, кроме того, что все эти редкие вещи без исключения могут и должны быть предметом изучения и предметом операций. Если называть, как мы это сделали выше, совокупность этих редких вещей общественным богатством, то можно также высказать положение о том, что *индустриальное производство*, или *индустрия*, охватывает также только общественное богатство и всё общественное богатство.

26. *Меновая стоимость, индустрия, собственность* — таковы, следовательно, три общих факта, три ряда или группы особых фактов, порождаемых ограничением в количестве полезных вещей, или редкостью вещей; три факта, театром действия которых является всё общественное богатство и только общественное богатство. Теперь мы видим, сколь неопределенно, неточно и слабо, если не неверно с философской точки зрения утверждение (как это делает, например, Росси) о том, что, занимаясь политической экономией, мы ставим перед собой задачу изучать общественное богатство. И действительно, с какой точки зрения вы будете его изучать? С точки зрения его *меновой стоимости*, т. е. с точки зрения явлений купли-продажи, которым оно подвержено? Или с точки зрения его *индустриального производства*, т. е. с точки зрения благоприятных и неблагоприятных условий увеличения его количества? Или же, наконец, с точки зрения *собственности*, предметом которой оно является, т. е. с точки зрения условий, делающих его присвоение законным или незаконным? Нам следует об этом сказать. Но особенно следует весьма остерегаться его изучения с этих трех или же двух точек зрения вместе, ибо нет ничего более различного, чем эти разные точки зрения, как мы это вскоре увидим.

27. Мы видели a priori, как редкие вещи, будучи присвоенными, приобретают меновую стоимость (§ 24). Достаточно открыть глаза, чтобы констатировать a posteriori — среди общих фактов — факт обмена.

Все мы, пока мы есть, все мы ежедневно совершаем обмены как ряд особых фактов, т. е. продажи и покупки. Некоторые из нас продают земли или пользование землей; другие — дома или пользование домами; третьи — индустриальные продукты или товары, которые они приобрели оптом и уступают в розницу; четвертые — консультации, адвокатские речи, произведения искусства, дни или часы труда. Все взамен получают деньги. На полученные таким образом деньги покупаются то хлеб, мясо, вино; то одежда; то кров, жилища; то мебель, драгоценности, лошади, кареты; то сырые материалы и рабочая сила; то товары; то дома, земли; то акции или облигации различных предприятий.

Обмены совершаются на рынке. Место, где совершаются определенные особые обмены, считается особым рынком. Говорят: европейский рынок, французский рынок, рынок Парижа. Гавр — это рынок для хлопка, Бордо — для вина; крытые рынки (*halles*) — для фруктов и овощей, пшеницы и других злаковых; биржа — рынок для индустриальных ценных бумаг.

Возьмем рынок пшеницы и предположим, что в данный момент 5 гектолитров пшеницы обмениваются на нем на 120 франков или же на 600 граммов серебра с пробой 0,9. Мы можем сказать: «Пшеница стоит 24 франка за гектолитр». Вот факт меновой стоимости.

28. Пшеница стоит 24 франка за гектолитр. Заметим прежде всего, что данный факт носит характер факта *естественного*. Эта стоимость пшеницы в деньгах, или цена пшеницы, не зависит ни от воли продавца, ни от воли покупателя, ни от соглашения между ними. Продавец хотел бы продать дороже; он этого не может, потому что пшеница *не стоит дороже*, и если бы он не захотел продать по этой цене, то покупатель нашел бы рядом с ним некоторое число продавцов, готовых это сделать. Покупатель был бы рад купить дешевле; это невозможно, потому что пшеница *не стоит меньше*, а если бы он не захотел купить по данной цене, то продавец нашел бы рядом с ним некоторое число покупателей, готовых согласиться с ценой.

Таким образом, будучи установлен, факт меновой стоимости приобретает характер естественного факта, естественного по своему происхождению, естественного в своем проявлении и в способе существования. Если пшеница и если деньги имеют стоимость, то это потому, что они являются редкими, т. е. полезными и количественно ограниченными, что представляет собой два естественных обстоятельства. А если пшеница и деньги имеют такую-то стоимость по отношению друг к другу, то это значит, что они являются соответственно более или менее редкими, т. е. более или менее полезными и более или менее ограниченными количественно, еще два естественных обстоятельства, тех же, что и выше.

Это совсем не означает, что мы никак не можем воздействовать на цены. Из того обстоятельства, что сила тяготения есть естественный факт, подчиняющийся законам природы, не следует, что мы должны всего лишь наблюдать, как она действует. Мы можем или сопротивляться ей, или дать ей свободно проявлять себя, но мы не можем изменить ее характер и ее законы. Мы можем повелевать ею, как говорится, лишь подчиняясь ей. Так же и со стоимостью. Что касается, например, пшеницы, мы могли бы повысить цену на нее, уничтожив часть запасов; мы могли бы понизить эту цену, потребляя в пищу вместо пшеницы рис, картофель или какой-либо другой продукт. Мы могли бы даже декретировать, что пшеница будет продаваться не по 24, а по 20 франков за гектолитр. В первом случае мы воздействовали бы на причины факта стоимости, заменяя одну есте-

ственную стоимость другой. Во втором случае мы действовали бы на сам факт, заменяя естественную стоимость стоимостью искусственной. Мы могли бы, наконец, ликвидировать в крайнем случае стоимость, упраздняя обмен. Но если мы обмениваемся, мы не можем помешать тому (при данных обстоятельствах снабжения и потребления, одним словом, при заданных условиях редкости), чтобы следствием этого не стала естественным образом определенная стоимость (или тенденция к ее образованию).

29. Пшеница стоит 24 франка за гектолитр. Отметим, кроме того, *математический* характер этого факта. Стоимость пшеницы в деньгах, или цена пшеницы, была вчера 22 или 23 франка; только что она была 23,5 фр. или 23,75 фр.; немного позже она будет 24,25 или 24,50 фр.; завтра она станет 25 или 26 фр.; но сегодня и в данный момент она составляет 24 франка, *не больше и не меньше*. Данный факт столь явно носит характер математического факта, что я могу сразу же выразить его уравнением и тем самым придать ему его подлинное выражение.

Приняв гектолитр за единицу измерения количества пшеницы, а грамм — за единицу измерения количества серебра, можно строго сформулировать положение, что если 5 гл пшеницы обмениваются на 600 г серебра, мы имеем:

- «5 гл пшеницы *равны* 600 г серебра», или
- «*меновая стоимость* 5 гл пшеницы *равна меновой стоимости* 600 г серебра», или, наконец, что
- «5 × меновая стоимость 1 гл пшеницы равно 600 × меновая стоимость 1 г серебра».

Итак, пусть v_b — меновая стоимость 1 гл пшеницы, а v_a — меновая стоимость 1 г серебра пробы 0,9. Используя обычные в математике обозначения, имеем уравнение

$$5 v_b = 600 v_a,$$

или, разделив левую и правую часть на 5, имеем

$$[1] \quad v_b = 120 v_a.$$

Если мы условились (как мы предположили, что это имело место на рынке, взятом нами в качестве примера) выбрать за единицу измерения стоимости не меновую стоимость 1 грамма серебра, а меновую стоимость 5 граммов серебра с пробой 0,9 под названием франк, т. е. установили, что

$$5 v_a = 1 \text{ франк},$$

тогда получим

$$[2] \quad v_b = 24 \text{ франка}$$

Но, будь то в форме [1] или [2], уравнение точно передает эту фразу и, я бы сказал, научное выражение данного факта: «Пшеница стоит 24 франка за гектолитр».

30. Меновая стоимость является, следовательно, величиной и, что можно отметить уже сейчас, количественно оцениваемой величиной. И если математика вообще имеет своим предметом изучение такого рода величин, то очевидно, что есть область математики, забытая до настоящего времени математиками и еще не разработанная, каковой является теория меновой стоимости.

Я не говорю (это и так достаточно известно), что эта наука есть вся политическая экономия. Силы, скорости есть также оцениваемые величины, и математическая теория сил и скоростей не охватывает всю механику. Вместе с тем очевидно, что эта чистая механика должна предшествовать прикладной механике. Равным образом есть *чистая политическая экономия*, которая должна предшествовать *прикладной политической экономии*, и эта чистая политическая экономия является наукой, совершенно похожей на физико-математические науки. Это утверждение является новым, оно может показаться странным; но я только что это доказал, а в дальнейшем докажу еще лучше.

Если чистая политическая экономия, или теория меновой стоимости и обмена, т. е. теория общественного богатства, рассматриваемого само по себе, является, как и механика, как и гидравлика, физико-математической наукой, она не должна бояться применения метода и языка математики.

Математический метод не является *экспериментальным*, это метод *рациональный*. Разве естественные науки в собственном смысле слова ограничиваются просто чистым описанием природы и не выводятся из опыта? Ответ на этот вопрос я оставляю естественникам. Однако очевидно, что физико-математические науки, как и собственно математические науки, исходят из опыта, как только они позаимствовали у него свои типы. Из этих реальных типов они абстрагируют типы идеальные и определяют их; на основе этих определений они строят а priori конструкции своих теорем и их доказательств. Затем они вновь обращаются к опыту, но не для того, чтобы подтвердить, а чтобы применить свои выводы. Каждый прекрасно знает, если он хоть немного занимался геометрией, что радиусы окружности равны друг другу, что сумма трех углов треугольника равна сумме двух прямых углов лишь в абстрактных и идеальных окружностях и треугольниках. Действительность подтверждает лишь приблизительно эти определения и доказательства, но она дает возможность весьма широких приложений. Наблюдая за этим методом, политическая экономия должна заимствовать из опыта типы обмена, предложения, спроса, рынка, капиталов, доходов, производительных услуг, продукции. Из этих реальных типов она должна абстра-

гировать, по определению, идеальные типы и рассуждать относительно последних и должна вернуться к реальности, когда научная часть уже сделана, или же с целью приложений. Таким образом, на идеальном рынке у нас будут идеальные цены, находящиеся в строгом соотношении с идеальным спросом и предложением. И так далее. Будут ли эти чистые истины часто применяться? Строго говоря, это право ученого заниматься наукой ради науки, как и право геометра (а он им пользуется каждодневно) изучать самые особенные свойства самой странной из фигур, если они возбуждают любопытство. Но мы увидим, что эти истины чистой политической экономии дадут решение самых важных, самых спорных и наименее ясных проблем прикладной политической экономии и общественной экономии.

Что касается языка, то зачем упрямяться и объяснять с трудом и весьма некорректно, как это часто делал Рикардо, как это на каждом шагу делает Джон Стюарт Милль в своих «Принципах политической экономии», пользуясь лишь обычным языком, вещи, которые на языке математики могут быть выражены значительно меньшим количеством слов, намного более точным и ясным образом?

Урок 4

О факте индустрии и прикладной политической экономики. О факте собственности и общественной экономике

Содержание: 31. Факт *индустрии*. Прямая полезность. Косвенная полезность. Преобразование косвенных полезностей в прямые. 32. Двойной ряд индустриальных операций: 1) *технические* операции; 2) *экономические* операции, проистекающие из разделения труда. 33. Двойная проблема. 34. Факт экономического индустриального производства, факт гуманитарный и не-естественный, индустриальный и не-моральный. Теория производства общественного богатства, *прикладная* наука. 35. Факт *присвоения*, факт гуманитарный и не-естественный. Природа обеспечивает способность вещей быть присвоенными, люди занимаются присвоением. 36, 37. Факт моральный и не-индустриальный. *Собственность*, законное присвоение. 38. Коммунизм и индивидуализм. Теория распределения общественного богатства, наука *моральная*. 39. Вопрос отношений между моралью и политической экономией.

31. Только полезные, количественно ограниченные вещи могут производиться индустриально, все они производятся индустриально (§ 25). Очевидно, что индустрия работает только для производства редких вещей, причем всех редких вещей.

Данный факт индустриального производства уже сейчас требует некоторого уточнения. Полезные, количественно ограниченные вещи, помимо неудобства, связанного с этим ограничением (ибо это — неудобство), имеют иногда еще и другой недостаток, состоящий в том, что они обладают не *прямой*, а только *косвенной* полезностью. Овечья шерсть, бесспорно, полезная вещь. Однако прежде чем она сможет использоваться для удовлетворения потребности, нашей потребности в одежде, она должна претерпеть две предварительные индустриальные операции: одна из них превратит шерсть в драп, другая — драп в одежду. Нетрудно убедиться, что число таких количественно ограниченных вещей, являющихся полезными для нас, но полезными только косвенно, чрезвычайно велико. Из этого следует, что индустриальное производство преследует двойную цель: сначала приумножить количество полезных вещей, имеющих лишь в ограниченном количестве, затем преобразовать косвенные полезности в прямые.

Так уточняется предмет индустрии, который вначале мы определили весьма общим образом как совокупность отношений между людьми и вещами, отношений, направленных на подчинение цели вещей целям людей. Очевидно, что человек вступает в отношения со всеми вещами, чтобы использовать их, но очевидно также, что постоянная задача данных отношений — это приумножение и преобразование общественно-го богатства.

32. Человечество решает эту двойную задачу с помощью двух весьма различных серий операций:

1) Первая из двух серий индустриальных операций состоит из индустриальных операций в собственном смысле слова, или операций *технических*. Так, сельское хозяйство приумножает количество растений и животных, предназначенных для нашего питания и одежды; добывающая промышленность — количество минералов, из которых мы делаем инструменты и средства производства; обрабатывающая промышленность преобразует текстиль в хлопчатобумажные, шерстяные и другие ткани, а минеральное сырье — в разного рода машины; строители строят заводы, железные дороги. Все это операции, носящие вполне определенный характер отношений людей к вещам с тем, чтобы подчинить цель вещей целям людей, а также более ограниченный и более определенный характер, связанный с приумножением и преобразованием общественного богатства. Они составляют, следовательно, первую серию индустриальных фактов, образующих первую серию прикладных наук, или искусств: *технические искусства*.

2) Вторая серия индустриальных операций состоит из операций, относящихся к *экономической* организации индустрии в собственном смысле слова.

Действительно, первая серия операций, о которой мы только что говорили, составляет всю индустрию и предмет искусства в целом, исключая такой существенный факт, к которому мы подходим здесь — факт психологической способности человека к *разделению труда*. Если бы судьбы всех людей были независимы с точки зрения удовлетворения их потребностей, то каждый из нас должен был бы преследовать свою цель по отдельности, приумножая, как умеет, полезные вещи, не существующие в неограниченном количестве, и преобразуя, как сочтет нужным, косвенные полезности в прямые. Каждый из нас был бы по очереди сам для себя пахарем, прядильщиком, булочником, портным. Тем самым наше положение стало бы близким к положению животных, поскольку индустрия в собственном смысле, техническая индустрия мало что представляла бы собой без развития, связанного с разделением труда. Однако можно представить себе, на крайний случай, что эта первая форма индустрии могла бы еще существовать. Но тогда не было бы экономического индустриального производства.

В действительности дело обстоит не так, как мы только что предположили. Человек не только способен физиологически к разделению труда, но и, как мы увидим, эта способность является самым условием его существования. Судьбы всех людей не независимы, а связаны друг с другом с точки зрения удовлетворения их потребностей. Пока еще не время рассматривать природу и истоки факта разделения труда, мы ограничимся его констатацией, как мы это сделали в отношении моральной свободы и личностных качеств человека. Данный факт существует,

он состоит в том, что, вместо того чтобы каждый сам приумножал редкие вещи, преобразовывал косвенные полезности в прямые, мы разделяем эту задачу между собой на особые занятия. Одни специализируются как пахари и только как пахари, другие — как прядильщики и только как прядильщики, и т.д. В этом состоит факт разделения труда. Это — факт, существование которого становится очевидным с первого взгляда на общество. Однако один этот факт порождает факт экономического индустриального производства.

33. Действительно, из него проистекает двойная проблема.

Прежде всего необходимо, чтобы в рамках разделения труда (как это было бы и вне разделения труда) индустриальное производство общественного богатства было не только *изобильным*, но и *пропорциональным*. Нельзя, чтобы некоторые редкие вещи производились в избыточном, а другие — в недостаточном количестве. Нельзя, чтобы некоторые косвенно полезные вещи преобразовывались в непосредственно полезные в очень большом масштабе, а другие — в недостаточной мере. Если бы каждый из нас был одновременно земледельцем, фабрикантом, инженером, работающим на себя, то он был бы им столько и так, как счел бы необходимым. Но если занятия специализированы, то нельзя, чтобы фабрикантов было много, а земледельцев не хватало, и т. д.

Затем необходимо, чтобы в рамках разделения труда, как и вне них, распределение общественного богатства между живущими в обществе людьми было *справедливым*. Нельзя, чтобы имел место моральный беспорядок, равно как беспорядок экономический. Если бы каждый из нас производил все, что потребляет, и потреблял только то, что производит, то его производство не только регулировалось бы нуждами его потребления, но и его потребление определялось бы объемом его производства. Так вот! Нельзя, чтобы из-за специализации занятий кое-кто из нас, произведя мало, потреблял много, в то время как кое-кто другой, произведя много, потреблял мало.

Значение этих двух проблем понятно, равно как понятен смысл различных способов, которыми они решались. Система цехов, ремесленных гильдий, мастеров имела, очевидно, целью обеспечить главным образом условие пропорциональности в производстве. Система свободы индустрии и торговли, или, как ее называют, система *laissez faire, laissez passer* претендует на то, чтобы лучше примирить условие пропорциональности с условием изобилия. Ниже мы выскажемся по этому вопросу. В прошлом системы рабства и крепостничества страдали тем недостатком, что заставляли одни классы общества работать на другие. Наша нынешняя система собственности и налогообложения льстит себе тем, что полностью положила конец эксплуатации человека человеком. Мы рассмотрим ниже и этот вопрос.

34. А теперь нам предстоит сделать следующее: признать наличие обеих проблем и, определив их предмет, уточнить их характер. Что бы ни говорили Ш. Коклен и экономисты его школы, мы никак не можем приписать естественно-научный характер ни проблеме производства, ни проблеме распределения общественного богатства. Воля человека свободна в своем проявлении в отношении как производства, так и распределения общественного богатства. Но только во втором случае она должна руководствоваться соображениями справедливости, а в первом — соображениями интереса. Впрочем, между фактом технической индустрии и фактом экономического производства в том виде, как мы его определили, нет различия по их природе. Оба факта взаимосвязаны и следуют друг за другом, один является дополнением другого. Оба относятся к фактам гуманитарным, а не естественным; оба, кроме того, факты индустриальные, а не моральные, поскольку они распространяются на отношения между людьми и вещами по поводу подчинения цели вещей целям людей.

Теория экономического производства общественного богатства, или организации индустрии в рамках разделения труда, является, следовательно, прикладной наукой. Вот почему мы будем называть ее *прикладной политической экономией*.

35. Мы видели, что только полезные, количественно ограниченные вещи обладают способностью быть присвоенными и что все они обладают этим свойством (§ 23). Достаточно поглядеть вокруг себя, чтобы признать, что только эти вещи являются присвоенными и что они все присвоены. Бесполезные вещи не привлекают внимания; полезные, количественно неограниченные вещи остаются в области общего пользования, но редкие вещи изъяты из этой области и не могут быть в распоряжении первого встречного.

Присвоение редких вещей, или общественного богатства, является гуманитарным, а не естественным фактом: он имеет своим истоком осуществление человеческой воли и деятельности, а не действие сил природы.

Разумеется, не в нашей власти сделать полезные, количественно неограниченные вещи подлежащими присвоению; не в нашей власти сделать полезные, количественно ограниченные вещи не подлежащими присвоению. Но если только естественные условия присвоения обеспечены, то именно от нас зависит, чтобы присвоение осуществлялось тем или иным образом. Конечно, это зависит не от каждого из нас в частности, а от нас всех вообще. Это составляет гуманитарный факт, имеющий своим началом не индивидуальную волю каждого человека, а коллективную деятельность всего общества в целом. Действительно, человеческая инициатива всегда действовала, действует и будет действовать

на факт присвоения с тем, чтобы видоизменить его в желаемую сторону. При возникновении общества присвоение вещей людьми в рамках разделения труда, т. е. распределение общественного богатства между людьми происходило под влиянием силы, хитрости и случайности, хотя и не совсем вне рациональных условий. Самые смелые, самые сильные, самые ловкие, самые счастливые получали большую часть, а другие — то, что оставалось, т. е. ничего или же крайне мало. Однако как в плане собственности, так и в плане управления человечество всегда терпеливо продвигалось от исходного беспорядка фактов к конечному порядку принципов. Короче говоря, природа обеспечивает лишь возможность присвоения, а человечество совершает присвоение.

36. Присвоение вещей людьми, или распределение общественного богатства между людьми, живущими в обществе, представляет собой, кроме того, факт моральный, а не индустриальный. Это — отношения людей друг к другу.

Разумеется, мы вступаем в отношение с редкими вещами с тем, чтобы присвоить их, нередко мы достигаем этой цели лишь в результате длительных и настойчивых усилий. Но эта точка зрения, о которой мы только что сказали, уже не та, что занимает нас в данный момент. Сейчас мы рассматриваем факт распределения общественного богатства между людьми в обществе сам по себе и независимо как от подготовительных обстоятельств, так и от естественных условий. Объясню это на примере.

Предположим, что имеется племя дикарей и олень в лесу. Этот олень — вещь полезная, количественно ограниченная, следовательно, подлежащая присвоению. Считая первый пункт установленным, иду дальше. Однако прежде чем осуществить присвоение оленя в собственном смысле слова, его надо поймать и убить. Я не рассматриваю и эту вторую сторону вопроса: подобная точка зрения относится к охоте, она изучается одновременно с необходимостью его разделки и приготовления, т. е. с точки зрения кулинарии. Если отвлечься от этих отношений с оленем, то встает еще один вопрос, а именно выяснить — пока олень еще находится в лесу или же уже убит, — кто его присвоит. Речь идет о факте присвоения, рассматриваемом именно таким образом, и именно так рассматриваемый факт присвоения составляет отношение людей друг к другу. Достаточно сделать всего один шаг в решении вопроса, чтобы убедиться в этом. «Он будет присвоен, — говорит один из соплеменников, молодой и энергичный, — тем, кто его убьет. Если вы слишком вялы или у вас не очень верный глаз, то тем хуже для вас». Другой, постарше и послабее, возражает: «Совсем не так. Он будет присвоен всеми нами поровну. Если в нашем лесу всего один олень и вы заметите его первым, то это не причина, чтобы мы остались без еды». Как видим, факт по существу моральный и вопрос справедливости или координации судеб людей между собой.

37. Таким образом, способ присвоения зависит от наших решений, и в зависимости от того, хорошие или же плохие принимаются решения, способ присвоения будет хорошим либо плохим. Если хорошим, то он скоординирует судьбы людей между собой, будет удовлетворять справедливости; если плохим, то он подчинит судьбу одних людей судьбе других, закрепит несправедливость. Какой способ присвоения хорош и справедлив? Какой способ присвоения рекомендуется разумом как соответствующий требованиям моральной личности? Вот проблема собственности. Собственность — это справедливое и рациональное присвоение, присвоение законное. Присвоение — это простой безусловный факт; собственность, являющаяся фактом закона, — это право. Между фактом и правом — место теории морали. Именно в этом заключается основной пункт, в отношении которого не следует заблуждаться. Винить природные условия присвоения, перечислять разные способы того, как протекало присвоение общественного богатства людьми в обществе во все времена и повсюду — все это ничто. Критиковать эти разные способы с точки зрения справедливости, проистекающей из факта моральной личности, с точки зрения равенства и неравенства, сказать, в чем они были и все еще остаются порочными, указать единственно верный — в этом все.

38. Вопрос о распределении общественного богатства в обществе являлся предметом споров с тех пор, как есть общественное богатство и люди, живущие в обществе. Он всегда обсуждался именно на этой основе, которая является единственно верной и на которой его и надо рассматривать. Из всех имевших место систем наиболее известны две, чьи-ми поборниками были два великих мыслителя античности — Платон и Аристотель. Это — коммунизм и индивидуализм. Итак, что же они говорят?

«Блага, — говорит коммунизм, — должны присваиваться сообща. Природа дала их всем людям и не только тем, кто живет сегодня, но и тем, кто будет жить в будущем. Делить их между индивидами значит отчуждать достояние сообщества и будущих поколений, значит ставить людей, которые появятся на свет после этого дележа, в положение людей, лишенных ресурсов, которые приготовило им Провидение, значит препятствовать достижению их цели и исполнению их судьбы».

«Блага, — отвечает индивидуализм, — должны присваиваться индивидуально. Природа создала людей, не равных по добродетели и таланту. Заставлять тех, кто трудолюбив, ловок, бережлив, класть в общий котел плоды своего труда, своих сбережений значит грабить их в пользу тех, кто ленив, неловок, расточителен, значит лишать их всех ответственности за движение (плохое или хорошее) к достижению своей цели, за моральное или аморальное исполнение своей судьбы».

Здесь я останавлиюсь. Кто прав: коммунизм или индивидуализм? Не

ошибаются ли они и не правы ли они — и тот и другой? Нам не надо пока решать этот спор, и я не хотел бы пока добавить ничего, что было бы суждением или же просто более развернутым изложением этих доктрин. Я хотел бы всего лишь хорошенько пояснить, каков в точности предмет вопроса собственности, вопроса, рассматриваемого самым широким и наиболее полным образом. Итак, этот предмет состоит, главным образом, в том, чтобы зафиксировать отношения людей друг к другу по поводу присвоения общественного богатства с целью координации судеб людей между собой в соответствии с разумом и справедливостью. Следовательно, факт присвоения является, по существу, фактом морали, а теория собственности, следовательно, является по существу наукой моральной. *Jus suum cuique tribuens*, справедливость состоит в том, чтобы отдать каждому должное; если бы когда-либо наука придерживалась, следовательно, справедливости в качестве принципа, то это была бы, разумеется, наука о распределении общественного богатства, или, как мы будем ее называть, *общественная экономия*.

39. Однако здесь есть одна трудность, на которую я хочу указать.

Теория собственности фиксирует и определяет отношения людей, рассматриваемых как юридические лица, между собой по поводу присвоения общественного богатства, или условия распределения общественного богатства между людьми в обществе. Теория индустрии фиксирует и определяет отношения людей, рассматриваемых как работники, занятые определенной работой с вещами с целью приумножения и преобразования общественного богатства, или же, говоря иначе, определяет условия обильного производства общественного богатства. Первый ряд условий — это условия моральные, которые будут выведены с точки зрения справедливости. Другой ряд — это условия экономические, которые будут выведены с точки зрения интереса. Но и те и другие есть также условия общественные, указания с целью организации общества. Возникает вопрос: будут ли эти два ряда соображений мешать друг другу или же, напротив, будут помогать один другому? Если, например, теория собственности и теория индустрии обе отвергают рабство или коммунизм, то это хорошо; но, допустим, одна из них запрещает рабство или выступает за коммунизм во имя справедливости, а другая выступает за рабство или запрещает коммунизм во имя интереса, то между наукой моральной и прикладной наукой будет противоречие. Возможно ли такое противоречие? И если оно возникает, что следует делать?

Мы поставим этот вопрос и уделим ему внимание, которого он заслуживает. Это — вопрос отношений морали с политической экономией, вызвавший, в частности, резкие споры между Прудоном и Бастиа в 1848 г. В своей книге «Экономические противоречия» Прудон утверждал, что между справедливостью и интересом существует антиномия;

Бастиа в работе «Экономические гармонии» поддержал противоположный тезис. Что касается моего мнения, то я считаю, что ни тот, ни другой не дал доказательства, и я вернусь к тезису Бастиа, чтобы защитить его иным способом. Как бы там ни было, если есть вопрос, его надо решать, а не уходить от него, смешивая друг с другом две разные науки — теорию собственности, являющуюся наукой моральной, и теорию индустрии, являющуюся прикладной наукой.